
*АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ТЕОРИИ*

КОРРУПЦИЯ
И МОДЕРНИЗАЦИЯ:
НОВАЯ ТЕОРИЯ

Т. Шиобара

Выдвинутые прежде теории коррупции могут быть разделены на теории политической коррупции и теории экономической коррупции. При подходе политической коррупции, основанном на коммунитаризме, демократические государства рассматриваются как общности, и демократия уважается как «общественное благо». В качестве антикоррупционных мер делается упор на усиление прозрачности доходов чиновников, ужесточение наказаний должностных лиц, четкое определение отношений между чиновниками, политиками и избирателями. При подходе экономической коррупции, предполагающем смешение утилитаризма и коммунитаризма, так же, как и при подходе политической коррупции, подразумевается общность, в которой распространены капиталистическая свобода и демократия. Сторонники теории экономической коррупции полагают, что «счастье как выгоду» можно измерить. Важными мерами антикоррупционной политики они считают конкуренцию и борьбу за эффективность. Антикоррупционная политика, основанная на подходе экономической коррупции, имеет склонность принуждать любые государства к осуществлению одинаковых мер без учета особенностей истории и культуры каждой страны. Новый подход, предложенный автором, учитывает власть, влияющую на принятие решений продажных игроков. При новом подходе, основанном на либерализме, важное значение придаётся субъектности властного игрока и подчинённого, так как власть ограничивает свободу других субъектов. Для регулирования использования власти следует ослаблять власть правителей, держащих в своём подчинении силовые механизмы. Должны неукоснительно проводиться расследования преступлений, задержания и аресты, выдвижение обвинений и вынесение судебных решений.

© Шиобара Т., 2011 г.

Ключевые слова: коррупция, модернизация, политическая коррупция, «общественное благо», коммунитаризм, экономическая коррупция, «счастье как выгода», утилитаризм, власть, властные отношения, субъектность властного игрока, субъектность подчинённого, ожидания продажного игрока, исключение.

С модернизацией российского общества, необходимость которой подчеркивает президент Дмитрий Медведев, связано решение проблемы коррупции¹. Но научных работ, где анализируются связи между коррупцией и модернизацией, немного². Самуэль Хантингтон, профессор Гарвардского университета, ставший знаменитым благодаря книге «*Столкновение цивилизаций*» (1996), в молодости (в 1968 г.) опубликовал выдающееся сочинение – «*Модернизация и коррупция*». Сегодня никто уже не помнит об этой статье. В течение последних нескольких лет вышли многочисленные исследования проблемы коррупции. Однако идеи, изложенные в большей их части, серьезно расходятся с реальностью. Поэтому антикоррупционные меры, основанные на проведенном в этих сочинениях анализе, неэффективны. В данной статье вскрываются недостатки приводимых в прошлом аргументов и представлен новый подход к решению проблемы коррупции. Наконец, исследуются антикоррупционные меры, основанные на этой новой теории.

¹ О проблемах модернизации России при президенте Д. Медведеве см.: Шиобара Т. Вопросы модернизации в современной России // Япония наших дней. 2010. № 3 (1). С. 116–151. (М.: Институт Дальнего Востока РАН.)

² Например, статья Григорьева Л. и Овчинникова М. «Коррупция как препятствие модернизации», опубликованная в журнале «Вопросы экономики» (2008. № 2. С. 44–60). Несмотря на заголовок, проблемы модернизации проанализированы в ней в недостаточной мере.

НЕДОСТАТКИ ПРЕЖНИХ ТЕОРИЙ КОРРУПЦИИ

Хантингтон упоминает о различиях между коррупцией в эпоху абсолютизма и коррупцией в современную эпоху. Он полагает, что модернизация, создав новые источники богатства и власти, содействовала разрастанию коррупции. Связь богатства и власти с политикой определяется господствующей традиционной формой общества. Причем господствовавшие при абсолютизме группы еще не восприняли современные нормы в отношении богатства и власти (Huntington, 1968). Хантингтон также констатирует, что модернизация способствует коррупции в результате изменений, которые она порождает в составляющих эффективности политической системы. В частности, в странах, где преобразования проводились позднее, модернизация сопровождалась расширением влияния государства и умножением таких сфер, в которых деятельность подпадает под государственное регулирование, – торговля, таможенные сборы и налоги, в дополнение к регулированию общераспространенной и доходной деятельности типа организации азартных игр. Модернизация не строится на *tabula rasa* (на пустом месте), она является частью борьбы с абсолютистским строем.

Хотя в России модернизация и развитие капитализма происходили одновременно, страна попала в ловушку. После революции 1917 г. российский абсолютизм был трансформирован в социализм прежде, чем страна успела в достаточной мере вкушать плоды модернизации. А затем из социализма Россия снова вернулась в капитализм. Этот последний переход способствовал расширению коррупции так же, как и переход от феодализма к капитализму. В ходе дискуссий о коррупции в странах, которые пережили такой переход от социализма к капитализму, часто указывают, что в этих странах происходил «захват государства» (*state capture*). Под таким захватом подразумеваются усилия индивидуумов,

групп или предприятий в общественном и частном секторах этих стран, направленные на то, чтобы кардинальным образом изменить формирование законов, правил, постановлений и другие меры государства в свою пользу путем незаконного и непрозрачного предоставления частной выгоды государственным служащим. Однако это утверждение, приведенное Грэм, Хеллманом и Ритерманом в (Gray, Hellman, Ryterman, 2004), кажется несправедливым, потому что преобразования общественных систем всегда вызывают такие масштабные проявления коррупции, как «захват государства».

Рассмотрим существующие определения коррупции. По-видимому, необходимо подтверждение тому, что проблемы, связанные с коррупцией, являются помехой для осуществления «справедливости» как общественной идеи³. Для осуществления справедливости необходимо проводить антикоррупционную политику. Но здесь мы сталкиваемся со сложной проблемой: можем ли мы утвердить всеобщую справедливость, действуя вне времени и пространства? Этот вопрос невозможно разрешить с позиций утилитаризма, придающего особое значение счастью, или либерализма, делающего акцент на свободе, или коммунитаризма, подчеркивающего приоритет общности⁴.

³ Об идее «справедливости» см. (Rawls, 1971; Sandel, 2007). Поучительно также (Ousawa, 2011).

⁴ Если мы воплотим справедливость, основанную на таких утилитаристских принципах, как наибольшее счастье наибольшего числа людей, можно предполагать, что сценарий, при котором отдельного человека вынуждают приносить жертвы, противоречит идее всеобщности. Другими словами, утилитаризм может быть осуществлен только исходя из предположения, что он ограничен неким специфическим «мы». Кроме того, возникает противоречие при рассмотрении уровня и эффекта счастья как показателя нравственности. Поэтому Иммануил Кант настаивал на том, что в качестве показателя нравственности следует уважать свободу выбора. Он заявлял, что уважение свободы – универсальный принцип, применимый

Так как достигнуть «справедливости» крайне сложно, сформулировать антикоррупционные меры также оказывается очень трудным делом. Коррупцию анализируют на основе сочетания принципов утилитаризма, коммунитаризма и либерализма, но такой подход можно встретить далеко не часто. Это означает, что дискуссии о коррупции увековечивают тупик, связанный с идеей «справедливости».

Существует несколько теорий коррупции, тем не менее дать определение явлению коррупции трудно. В работе «Political Corruption» ее редактор Арнольд Гейденгеймер констатирует, что существуют три типа определения коррупции⁵. Первый тип определения касается обязанностей государственных служащих. Например, Най определяет коррупцию, с одной стороны, как «поведение, отклоняющееся от проистекающих из общественной роли фор-

в отношении любого человека вне зависимости от времени и пространства. Для Канта проблемы «добра» и «зла» были только частными и незначительными вопросами в сравнении со «справедливостью», являющейся мерой правосудия для всех людей. Но когда суждению Канта о справедливости придают универсальный характер, нестыковка становится очевидной. Если мы прирожденный нравственный долг распространяем не только на себя, но и на других, возникают мучительные проблемы. Чтобы обойти это противоречие, коммунитаристы утверждают, что «общего блага» можно достичь путем признания идеи солидарности членами общности, а не путем навязывания каждому нравственного долга. Если мы рассматриваем «общее благо» как цель, то ее достижение требует учреждения разнообразных институтов и введения правил. Однако одновременно на карту ставится идея «солидарности» между членами общности, угроза которой возникает или в результате ее разрушения внутри отдельных стран, или, если правила им навязывают, извне, как это имеет место в ходе глобализации. Похоже, что коммунитаризм не кажется убедительным средством воплощения справедливости.

⁵ См. аргументацию по поводу коррупции в период до 1970 г. в (Heidenheimer, 1970). Харрис и Роберт в работе 2003 г. уклонились от определения коррупции (Harris, 2003). См. также (Shiobara, 2002).

мальных обязанностей с целью денежных или статусных приобретений, которые рассматриваются как частные», а с другой, – как «поведение, которое нарушает правила, введенные против использования определенных типов влияния в пользу частных интересов» (Nye, 1967). Последнее определение включает действия, которые сопряжены с использованием политического влияния в частных интересах. И в первое, и во второе определение включаются общественные интересы. Хантингтон определяет коррупцию как поведение государственных служащих, которое отклоняется от принятых норм служения общественным целям (Huntington, 1968, 1970, p. 492). Это определение можно рассматривать в контексте коммуитаризма, потому что Хантингтон сосредоточивает внимание на отклоняющихся формах правил, принятых в некоторой общности.

Второе определение коррупции соотносится с концепциями спроса, предложения и обмена, основанными на экономических теориях. Третье определение связано с общественным интересом. В этом случае коррупция рассматривается как действие, наносящее ущерб общественному интересу. Утилитаризм поддерживает второе и третье определения, в котором скрыта непоколебимая вера, что «счастье как выгода» («happiness = profits») и его можно измерить.

В данной работе мы стремимся показать, что выдвинутые прежде теории коррупции можно разделить на теории политической и теории экономической коррупции. Политическая коррупция включает нарушения правил (законов). Имеют место случаи ограничения общественных правил, а также примеры ограничения не только общественных правил, но и правил, касающихся частных структур. В первом случае закон, запрещающий взяточничество, приравнивается к правилу. Эта точка зрения распространяется на такие же намерения, как и у коммуитаристов, которые рассматривают государство как общность (общество). С точки зрения общности правило, запрещающее растрату в частной компании, может быть критерием коррупции. В этом

случае коммуитарист под общностью подразумевает фирму (компанию).

Теория политической коррупции исследует политические системы, особенно демократию. Показателем коррупции становится покушение тех или иных действий на демократические правила⁶. Если кажется, что какое-то действие нарушает демократические правила, члены сообщества, убежденные в нерушимости демократии, обычно отождествляют это действие с коррупцией. Эту схему поддерживает коммуитаризм. Другими словами, поскольку коммуитаризм придает большое значение «общему благу», подразумевающему восприятия «блага» в общности, то демократия как «общее благо» может стать мерилем такого «общего блага». Демократические правила противоречивы, поэтому концепция политической коррупции также имеет ряд спорных моментов. Вопрос о том, как недемократические государства могут быть преобразованы в демократические, открыт, и его следует обсуждать.

Английское слово *corrupt*, как и латинское *corruptus*, изначально связывалось с образом зла. Коммуитаризм основан на этике Аристотеля, который обсуждал проблемы «общего блага» (Аристотель, 350 г. до н.э.). Учредив такие институты, как законы, сообщество может судить о том, является ли действие коррупционным, проявлением добра или проявлением зла. В этом случае, если демократические государства уже привели рынки в надлежащий порядок, либерализм тоже может сослужить здесь свою службу.

⁶ Хотя критические оценки демократии многочисленны, недавно французский исследователь Алан Бадью (Alain Badiou) констатировал, что при демократии имеет место эмпирическая и трансцендентальная коррупция (Žižek, 2009). Эмпирическая коррупция обозначает коррупцию как продажную практику политических партий и нарушение ими предвыборных обещаний. Трансцендентальная коррупция возникает в обстоятельствах, когда из-за кризиса или апатии утрачивается пространство для определения ценности «блага» и достоинства.

В дополнение отметим, что Аристотель делал акцент на цели. Институты направлены на осуществление «общего блага». Каждый институт, учрежденный сообществом для реализации «общего блага», имеет свою цель. Поэтому когда институт применяет какой-либо критерий для определения, является ли действие «коррупционным», то большую роль в этом играет коммунитаризм.

Однако теория экономической коррупции акцентирует внимание на уменьшении «счастья как выгоды». Эта теория коррупции отражает тенденцию судить, является ли действие коррупционным, с позиций рыночного подхода – путем соотнесения частных выгод с интересами некоторой общности в целом, тем самым определяя коррупцию как «несправедливость» со стороны государственных чиновников. Эту концепцию разъясняет Клитгаард, определял коррупцию как «злоупотребление должностью в частных целях» (Klitgaard, 1991).

Шлейфер и Вишни определяют государственную коррупцию как продажу правительственной собственности правительственными чиновниками ради получения личной выгоды (Shleifer, Vishny, 1998). Указанные ученые исследуют, достигается ли «счастье как выгода» для индивидуума или для государства. Личная выгода государственного чиновника рассматривается как коррупция, так как при этом игнорируются интересы общества в целом. Работник частной компании, который старается получить вознаграждение за предоставленную личную пользу, наносит ущерб выгоде (прибыли) своей фирмы. В данном случае такое действие также может рассматриваться как коррупция. Фирма может привлечь этого работника к суду за растрату. Независимо от того, какие конкретные действия совершались в интересах компании или получения прибыли, эти схемы оцениваются по критерию: принадлежит ли «счастье как выгода» членам некоторой общности например государству, компании или школе, или нет. Короче говоря, эти формулы основаны на утилитаризме или коммунитаризме. Это означает, что при анализе экономической коррупции внимание не концентрируется на либера-

лизме в такой степени, в какой это делается в отношении утилитаризма и коммунитаризма.

Существует мнение, что коррупция проистекает из стремления получать ренту (Левин, Цирик, 1998). Рента означает заработок как вознаграждение за экономическую деятельность, эквивалентный той части полученного дохода, которая превышает минимальный доход от вовлечения ресурсов в экономическую деятельность (Milgrom, Roberts, 1992). Термин «стремление получать ренту» (rent-seeking) используется в случаях, когда расходование ресурсов негативно влияет на общество. Итак, когда стремление получать частную ренту во имя «счастья как выгоды» наносит ущерб общему «счастью как выгоде» сообщества, можно утверждать, что с точки зрения утилитаризма имеет место коррупция. Однако мы не считаем, что стремление к получению ренты обязательно связано с коррупцией. Существует точка зрения, согласно которой краткосрочный рост коррупции в период реформ может способствовать успеху реформ и повышать общее благосостояние (Basu, Li, 1998). Несмотря на это, авторы работ, в которых изложена такая точка зрения, стоят на позиции, что рост инвестиций и повышение благосостояния ведут к увеличению «счастья как выгоды». Авторы этих исследований исходят из утилитаризма как основного посыла. В некоторых случаях частное «счастье как выгода» может быть напрямую связано со «счастьем как выгодой» организации или сообщества (общества), в то время как в других случаях такой связи может не быть. Поэтому мы должны уделять внимание вопросу о том, в каких областях можно применить подход утилитаризма, а где – коммунитаризма.

В работе российского экономиста Вадима Клейнера «Антикоррупционная стратегия бизнеса в России» коррупция определяется как «сознательное и добровольное принятие должностным лицом организации (в государственном или частном секторе) неоптимальных для этой организации решений, которые приводят к получению данным лицом или зависимыми от него лицами дополнительных

благ» (Клейнер, 2011), а также см. (Олейник, 2008). В этом определении акцент делается на сознательность и добровольность принимаемого должностным лицом коррупционного решения, а также на получаемую им личную выгоду. Не отрицая корректности этого определения (в конце концов коррупционер знает, что он делает), хотелось бы отметить, что в этой формуле не нашел отражения важный момент: был ли коррупционный шаг результатом свободного выбора или он был сделан под давлением. Этот момент не столь важен в плане конечного результата, но имеет значение с точки зрения механизма коррупционных действий и мер их предотвращения.

В исследовании Басу, Бхаттачарья и Мишра (Basu, Bhattacharya, Mishra, 1992) уделяется внимание субъектности участников. Басу проливает свет на «коррупцию по принуждению» и называет взятки, которые люди вынуждены давать в силу своего правового положения, «вынужденными» (такими, которые они вынуждены давать «под давлением») (Basu, 2011a). Он также указывает на то, что консервативные экономисты неоклассического направления часто прикладывают слишком много усилий к доказательству того, что никакой выбор фактически не является принудительным (Basu, 2011b). Его указание верно. Отныне такой подход, основанный на понятии «коррупции по принуждению», будет важным для удержания от коррупции.

Итак, мы можем сделать вывод, что предложенные до сих пор варианты анализа коррупции не дали исчерпывающего объяснения этому явлению, потому что их авторы игнорировали подход с позиций либерализма. Рассмотрим коррупцию с точки зрения либерализма.

НОВАЯ ТЕОРИЯ КОРРУПЦИИ

Либерализм серьезно подходит к учету фактора свободы. Кант утверждал, что свобода не терпит компромиссов. Согласно Канту,

свобода означает, что человек выбирает образ действий, решая, может ли он управлять собой. Такой тип свободы можно определить как «агрессивный». «Агрессивная» свобода отличается от «негативной», означающей условия, когда отсутствуют помехи⁷. Люди совершают поступки по необходимости, которую можно рассматривать как «обстоятельства», в которых нет свободы. Следовательно, «агрессивную свободу» тоже можно рассматривать как ситуацию без свободы.

Доводы Канта трудно понять. Кант пытался разрешить проблему природы и свободы, т.е. проблему гармонии между природой и человеческими существами. В «Критике чистого разума» (*Kritik der reinen Vernunft*) он критиковал эмпиризм, потому что эмпиризм не делал различия между природными идеями, вроде обладающих абсолютной достоверностью математических идей (универсальность и объективное соответствие), и рациональными идеями, наподобие идеи Бога, или метафизическими идеями. Кант настаивал на том, что человеческий разум познавал не вещь в себе, но факт или ситуацию, которые выглядели как существующие или случившиеся (т.е. как явления). Это означает, что мир явлений, т.е. мир природы, состоит из материи, происходящей из вещи в себе, и обладающих разумом форм, призванных упорядочивать материю. Мы можем признать мир явлений а priori, даже не имея опыта. В мире природы, или мире явлений, считается, что все происходящее имеет причины и следствия, в результате были заложены основы достоверности физики Ньютона. Однако деятельность человеческих существ как субъектов моральной практики не ограничивается законом причины и следствия. Коротко говоря, человеческие существа как вещь в себе посредством свободной воли интересуются собой в других как в вещи в себе. Кант писал об этом в «Критике практического разума» (*Kritik der praktischen Vernunft*). Однако он отстаивал точку зрения, согласно которой человеческие существа име-

⁷ О негативной свободе см. (Berlin, 1990).

ли основания для свободы, не зависящие от естественных ограничений самих по себе. Это означало, что люди были существами «трансцендентальной свободы». Канту, провозгласившему, что природный мир заключается не в неизбежности, созданной Богом, но в неизбежности естественного закона (закона природы), требовалось объяснить свободу человека, включая свободу в мире природы, причинами и следствиями, отличными от неизбежности закона природы. Следовательно, у Канта была идея автономии как воли со свободой, в то время как неизбежность закона природы была ограничена гетерономией. Да, свобода имеет собственный закон в себе, и она автономна. В этом пункте может быть обретена ось противостояния между законом природы, гетерономией, неизбежностью природы, с одной стороны, и законом свободы, автономией, абсолютной добровольностью, с другой. Абсолютная добровольность означает способность создать абсолютное начало без предшествующих причин. Кант старался предотвратить уклонение от ответственности, приписывая краже свойства человеческого поступка в мире природы и неизбежности, когда у участника (вора) не было другого выбора, кроме как следовать своему желанию. Он ввел понятие «абсолютной свободы» человеческих существ. Кант считал, что абсолютная свобода как моральный закон отличается от естественного закона (закона природы). Человеческие существа пользуются свободой, основанной на абсолютной добровольности, поэтому они сталкиваются с проблемой, как им установить ответственность за преступление. В этом пункте Кант провел различие между волей и волей выбора, и назвал второе «свободой». Кратко подведем итог: моральный закон может быть применен только в отношении свободы, которую он обозначил как «волю выбора». Эта свобода не означает выбора между «добром» и «злом». Эта свобода не может отклоняться от морального закона, поэтому можно сделать вывод, что только «хороший поступок» является «свободным действием», тогда как «плохой поступок» не

является свободным. Свобода решиться на поступок, противоречащий моральному закону, есть не свобода, а результат слабой воли человека. Следовательно, свобода как свойство, которым обладает здоровый человек, не оставляет иного выбора, как подчиниться моральному закону. В этой схеме Канта свобода связывает теорию справедливости с моральным законом.

Свобода по Канту предполагает, что субъект обладает некоторыми «Принципами» (Maxime) – принципами (principles) и правилами поведения. Иными словами, с точки зрения либерализма, основанного на концепции свободы Канта, вопросы коррупции следует рассматривать как проблемы субъекта. Следует вести спор о том, основано ли поведение человека, совершающего действие, на понятии свободы по Канту, либо этот человек вынужден поступать определенным образом. Следовательно, можно заранее судить о том, является ли конкретное поведение человека коррупционным. Другими словами, эта позиция высвечивает необходимость анализировать коррупцию с точки зрения власти.

Краткий очерк теорий власти

В первую очередь мы обсудим основные модели властных отношений и коррупции. Прежде всего следует рассмотреть связь между властью и коррупцией. При широком обобщении понятия власти мы можем считать коррупционными многие ситуации, не отвечающие понятию коррупции. Например, определим власть как отношения, при которых выбор одним человеком действий и указаний в отношении другого человека односторонне ограничивает действия и указания этого другого человека. Такое одностороннее ограничение может возникать не только на межгосударственном и межнациональном уровне, но и внутри самой личности (на индивидуальном уровне). Связь между властью в себе и коррупцией неясна. Если рассматривать коррупцию с точки зрения действий, основанных на

правилах (законах), то отнесение коррупции к властным отношениям самим по себе представляется неверным.

Еще одна проблема состоит в том, что одно из типичных правил, такое, как язык, само по себе не существует и не может заставлять других исполнять приказы. Другие могут только сказать «нет», но они не в состоянии разъяснить суть правила ясно и недвусмысленно. В дискуссиях о связях власти с коррупцией широкое понимание коррупции не работает. В данной статье власть можно определить как «одностороннее действие некоего участника», обладающего властью в отношении подчиненных. Ниже будут детально рассмотрены связанные с коррупцией проблемы, имеющие отношение к субъектности участников, обладающих властью (властных акторов), и к субъектности подчиненных.

Здесь мы рассмотрим точку зрения, согласно которой властные отношения не могут функционировать, если не существует формы проявления власти. То есть властные отношения предполагают существование формы власти. Хотя сеть, или центр, производит впечатление источника власти, она только указывает на то, что форма власти является более упорядоченной, так что расположение центра не может рассматриваться как непосредственный источник власти.

Власти, чтобы проявиться как таковой, нужна форма действия. Для выполнения одностороннего действия власть, которую удерживает властный участник, должна быть употреблена в отношении подчиненного. Необходимо задаться вопросом о степени субъектности не только участника, но и подчиненного. Мы можем предположить, что расположение центра действия может сделать форму власти более полной. Капитализм располагает методом формирования подобных центров действия. Развитый капитализм за счет международного разделения труда создает возможности для обмена денег на товары. Капитализм поддерживает субъектность актора во властной позиции (*actor in power*) и скрыто – подчиненного.

Является ли власть субстанцией, или это отношение? Гоббс определяет власть как инструмент (Hobbes, 1909). Вебер определяет власть как возможные средства выполнить намерение человека путем устранения сопротивления внутри общественных отношений (Weber, 1922). Парсонс указывает, что власть есть общая способность некоторых единиц систем коллективных организаций приводить в действие ограничивающие обязательства (Parsons, 1977). На этом основании можно сделать вывод, что в этих исследованиях власть рассматривается как субстанция.

Антони Гидденс создал собственную теорию, основанную на аргументах Гоббса, Вебера, Парсонса и других исследователей (Giddens, 1979). Гидденс указывал, что понятие власти, найденное у Гоббса, а также у Вебера (хотя и в измененной форме) трактует власть как волю участников или вероятность того, что они достигнут результатов, которых желают или в которых заинтересованы. Однако согласно таким авторам, как Парсонс, власть является свойством (атрибутом) социальной общности – среды, в которой реализуются общие или классовые интересы. Первое определение склонно толковать доминирование как *сеть принятия решений*, действующую на непроверенном институциональном фоне. Согласно второму определению доминирование само по себе рассматривается как институциональное явление, т.е. как *непринятие решений*, отказывающее власти в существовании связи с активным достижением участниками их целей или трактующее власть как некоторым образом определенную институтами. Можно предположить, что у власти два лица. Власть как принятие решений – одно лицо; другое лицо власти – сфера «непринятия решений».

Гидденс заявляет, что скорее необходимо преодолевать традиционное разделение между «волюнтаристским» и «структурным» понятиями власти, чем добавлять другое «измерение» к подходу «принятия решений» и к подходу «непринятия решений». Он вводит понятие ресурсов, которые представляют со-

бой среде, в которой реализуется власть и воспроизводятся структуры доминирования. Гидденс приходит к выводу, что концепция власти – и как способность изменять, и как доминирование – зависит от возможности и характера использования ресурсов. Ресурсы – не только среда, в которой способность трансформировать (*transformative capacity*) в рутинном общественном взаимодействии используется как власть, но и как структурные элементы общественной системы, преобразующиеся в ходе их использования во взаимодействия в обществе.

Фокалт и другие авторы сосредоточили внимание на властных отношениях (Foucault, 1982). В нашей статье власть рассматривается как отношение. Властные отношения могут быть обнаружены в разнообразных взаимодействиях. На уровне индивида властные отношения могут заставить человека выполнить действие либо отказаться от поступка. Организации, или совокупности, могут манипулировать своими участниками, побуждая их подчиняться своим желаниям. На уровне отсутствия субъектности у индивидуумов или организаций «знание» может оказывать влияние на индивидуумов и организации. В этом случае властные отношения выглядят не как принуждение к действиям, а как манипуляции и побуждение. «Знание» может использовать власть при отсутствии намерения и даже желания сделать это.

Наша теория власти

Если мы можем представить себе индивидуума как субъекта коррупции, то можем ли мы рассматривать в этом же качестве организации или их совокупности? Можем ли мы предположить отсутствие субъектности или существование «знания», способного кардинально изменить уровень коррупции? Можно описать организации, или совокупности, как субъекты коррупции, но организации, или совокупности, представлены индивидуумами. На уровне организаций, или совокупно-

стей, мы можем сосредоточить внимание на представителях, т.е. индивидуумах. Другими словами, предстоит исследовать системы представительства. Однако трудно строить гипотезу на том, что отсутствие субъектности может улучшить или обострить ситуацию в отношении коррупции. В этой статье коррупция рассматривается на уровне индивидуумов, включая представителей организаций и совокупностей.

Опишем основную форму властных отношений на простом примере. Как показано на рис. 1, властные отношения следует понимать как отношения между актором во властной позиции и подчиненным. Как подчеркивает Гидденс, по этой причине властные отношения всегда имеют *двусторонний* характер.

Здесь следует рассмотреть механизм реального осуществления власти. Предположим, что между преподавателем *A* (актором во властной позиции) и студентом *B* (подчиненным) существуют властные отношения. Если *B* вынужден учиться, чтобы получить зачеты, то, как действует власть?

Причину, по которой власть действует, заставляя *B* заниматься, можно объяснить тем фактом, что существует система (институт), в рамках которой *B* не может закончить учебное заведение, пока не получит всех зачетов, причем *A* имеет право утверждать эти зачеты. Мы можем сделать вывод, что между *A* и *B* существует система, основанная на

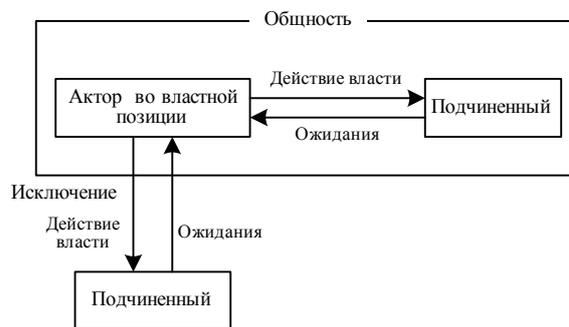

Рис. 1. Основная форма властных отношений на уровне индивидуумов

«первой теории». «Первая теория» означает существование определенных предположений, знаний и веры людей относительно мира природы и человеческого общества. Мы называем эту систему «первым механизмом» (Seiyama, 2000).

В этом примере ни *A*, ни *B* не принимают во внимание друг друга. Они взаимосвязаны только через первый механизм. Это означает, что один только первый механизм не способен заставить *B* заниматься, – так что *B* не обязательно будет учиться, если *A* – снисходительный преподаватель. В этой ситуации у *B* в отношении *A* есть некоторые ожидания. Следовательно, мы можем предположить существование второго механизма, который как раз эти ожидания определяет. Студент *B* будет вынужден учиться, если этот второй механизм выглядит следующим образом: *A* строг, он может проверить, насколько энергично занимаются студенты, и *A* выставляет студентам отметки *F* безо всякого снисхождения. Студент *B* не сможет закончить учебное заведение, если не получит зачетов. Даже если второй механизм – иллюзия, но *B* верит в его существование, он будет вынужден заниматься. Его ожидания субъективны. Таким образом, первый механизм выглядит более объективным, чем второй. Короче говоря, власть может «работать» на основе объективных составляющих первого механизма и субъективных составляющих второго механизма.

В целом основное требование к использованию власти – наличие системы как механизма объективирования и обобществления возможности. Такой сценарий предполагает присутствие актора во властной позиции или властной организации, подчиненных, а также системы, заставляющей индивидуумов или организации следовать некоторым правилам. Будет ли индивидуум актором во властной позиции или подчиненным, зависит от различия в потенциалах власти, которое определяется ресурсами. На другой «сцене» проявления власти – в институции – имеет место осуществление власти, неявно ведущее актора в определенном направлении.

Однако одного этого описания для объяснения власти явно недостаточно. Власть может быть проявлена и путем исключения (by exclusion). «Исключение» означает, что индивидуум или организация удерживаются вне системы институтов, в которых они могли бы участвовать. Таким образом, мы можем предположить существование связи между исключающим и исключаемым акторами. При этом исключающий актор может направить действие власти на исключаемого, одновременно исключающий актор может испытать действие власти как противодействие со стороны исключаемого. Можно представить различные типы исключения такие, например, как психологические нападения, – на уровне индивидуумов или кампании бойкотирования – на уровне организаций.

Новая теория коррупции

Актор может коррумпироваться самостоятельно. В модели – «преподаватель *A* – студент *B*» преподаватель *A* имеет возможность в одностороннем порядке улучшить оценки *B* в учебном заведении. В некоторых случаях *A* переживает эмоциональное смятение, решая, следует ли ему это сделать. *A* может предпринять это действие, не задумываясь над тем, нарушает он правила или нет, в следующих обстоятельствах: при ошибке (оплошность при заполнении бланка) или в отсутствие погрешности (при сбое считывающего устройства). О намеренной коррупции можно говорить в первом случае (при отсутствии оплошности *A* или сбое считывающего устройства). Тем не менее только индивидуум (в данном случае преподаватель *A*) может независимо от суждений со стороны внешнего мира решить, было ли его действие коррупционным. Критерий коррупции может быть внутренним или внешним. В случае коррупции самостоятельного актора мы должны учитывать отношения между актором и его окружением.

Следовательно, при составлении схемы на рис. 2 мы исходили из наличия двух воз-

можных принципов (principles) коррупции. Первый принцип – коррупция внутренне присуща предрасположенному к ней индивидууму, второй – коррупция ему предположительно не свойственна. Отметим, что расположенный к коррупции актер помещается в пространстве общественных связей, в котором актер становится коррумпированным. В вышеизложенном случае *A* является преподавателем. Коротко говоря, в нашем анализе мы должны рассмотреть отношение в локализованном пространстве (коррумпированного) предрасположенного к коррупции актера. Другой принцип – коррупция, включающая исключения (omission). Ниже перечислены возможные варианты (options) действий, в результате которых актер становится коррумпированным:

1) зная, что поступок коррупционный, актер совершает его намеренно;

2) зная, что шаг коррупционный, актер делает его из-за своего беспомощного положения;

3) не рассуждая, имеет ли поступок коррупционный характер, актер его совершает, следовательно, этот поступок считается внутренне или внешне коррупционным.

Варианты поведения (1) и (2) основаны на предположении, что коррумпированный актер обладает субъектностью. Однако при варианте (3) уровень свободы низкий. Так как в основе свободы, по Канту, лежит предпосылка о существовании субъекта с «прин-

ципами» поведения (Maxime), вариант (3) не удовлетворяет этому условию. Если судить исходя из либерализма, связывающего проблемы коррупции с субъектностью, дальнейшего рассмотрения требуют варианты (1) и (2). Обычно вариант (2) возникает чаще, чем вариант (1), так как большая часть людей занимает позиции подчиненных. В варианте (1) предрасположенный к коррупции актер (коррумпированный актер) часто находится в положении актера во властной позиции, который, хотя и имеет невысокий ранг, но ведет себя заносчиво. Похоже, что коррупция во многом проистекает из подчиненного положения актера, в силу которого он вынужден стать коррумпированным.

Поэтому, если предположить существование самостоятельного коррумпированного актера, более реалистичной выглядит ситуация, показанная на рис. 3. Здесь актер, находящийся во властной позиции (властный актер), и актер, который становится коррумпированным, т.е. подчиненный, – разные индивидуумы. В процессе употребления власти без необходимой осмотрительности актер во властной позиции может приказать подчиненному совершить коррупционные действия. При таком положении дел в качестве измерителя коррупции могут быть применены многие правила общностей. При этом чем больше общность, тем шире распространены эти правила. Поскольку универсального принципа не существует, следует рассмотреть правила, действующие вне общностей. Можно вывести заключение, что нам не следует беззаботно ставить себя в позицию коммунитаризма. Пусть это будет противоречить нашей воле, но нам необходимо – в противодействие коммунитаризму – искать путь подалее от «общего блага» более крупных общностей.

Коррумпированный актер может нарушать правила ради собственной материальной выгоды, ожидая запроса со стороны актера во властной позиции. В этом случае, хотя данный актер во властной позиции еще не совершил проступка, он должен нести ответственность за то, что создал такие обстоятельства. Не бы-

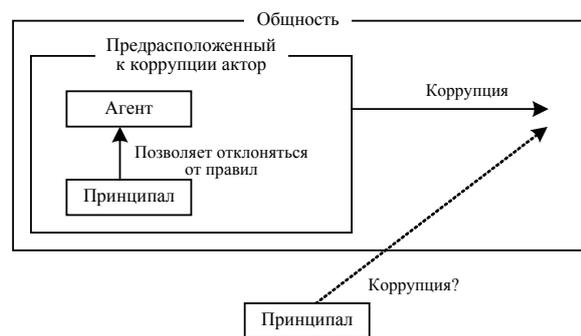

Рис. 2. Основная форма I коррупции на уровне индивидуумов

вает случаев, когда предрасположенный к коррупции актор становится коррумпированным без собственной вины, только потому, что на этого актора определенным образом воздействовала власть. Актор совершает проступок коррупционного характера скорее намеренно, чем в силу беззаботности. В этом случае актор иногда становится коррумпированным намеренно и с удовольствием, а иногда – у него нет выбора. Перечислим главные проблемы основной формы (2) коррупции. Во-первых, как система соотносится с проявлением власти и с функцией ожидания, связывающей актора во властной позиции и актора, предрасположенного к коррупции? Во-вторых, применим ли критерий для определения коррупции к той общности, к которой принадлежат актор во властной позиции и актор, предрасположенный к коррупции? В-третьих, должны ли мы обращать внимание на общественные связи между актором во властной позиции и актором, предрасположенным к коррупции?

Допустим, что клиент просит актора во властной позиции проявить власть в отношении предрасположенного к коррупции актора и что существует посредник между клиентом и актором во властной позиции или между актором во властной позиции и актором, предрасположенным к коррупции (эти отношения не показаны на рис. 3). Существенная сторона этого случая заключается в том, что у всех акторов есть собственные намерения, пото-

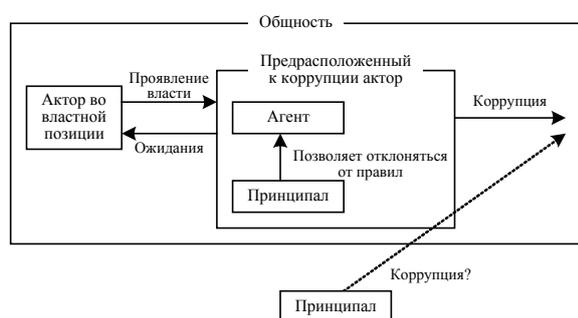

Рис. 3. Основная форма II коррупции на уровне индивидуумов

му что актор во властной позиции использует власть на основании просьбы посредника и актор, предрасположенный к коррупции, также становится коррумпированным в соответствии с приказом посредника. Посредник предположительно передает намерение клиента актору во властной позиции либо намерение актора во властной позиции – актору, подверженному коррупции. Вознаграждение, которое актор во властной позиции ожидает от клиента или посредника, выражается в платежах в случае успеха. Актор во властной позиции также рассчитывает на сохранение тайны и предусматривает возмездие в случае «предательских» действий против него. Однако предрасположенный к коррупции актор, получив через посредника приказ актора во властной позиции, ожидает, что в случае невыполнения приказа ему грозит возмездие. Когда предрасположенный к коррупции актор получает через посредника приказ актора во властной позиции, первый актор вынужден решать, подчинится он приказу или отвергнет его. Если актор совершает коррупционное действие, это означает, что он совершил его намеренно.

Теперь нам предстоит исследовать связи между «исключением» и коррупцией. В последние годы власть часто проявлялась в форме «исключения». Это означает, что «исключение» также может вести к коррупции. Исключение осуществляется путем изгнания из актора общности, чтобы не быть «запятнанным» общением с ним. Такое «исключение» укрепляет единство остающихся внутри общности членов и одновременно ужасает их перспективой исключения.

Яркий пример «исключения» в России – судьба юриста Сергея Магнитского, работавшего в фирме «Firestone Duncan». Оказавшись в положении человека, готового дать показания против коррупционеров (whistle-blower), он был исключен не только из общности, но и вообще из жизни. Другая ситуация – отторжение индивидуумов, принципы деятельности которых противоречат неформально установленным коррупционным правилам

жизнедеятельности сообщества. В конце января 2011 г. в Волгоградской области была разоблачена группа инспекторов ГИБДД, вымогавших у водителей деньги. По сообщению газеты «Известия» (28 января 2011 г.), несколько офицеров милиции во главе с командиром батальона ГИБДД О. Кирпой получали от 120 подчиненных инспекторов взятки, угрожая им увольнением.

Это означает, что «исключение» способно усилить использование власти для принуждения к коррупции, следовательно, предотвращать коррупцию становится крайне трудным делом. Можно заключить, что чем чаще действует властное действие для «исключения», тем труднее становится предотвращать коррупцию.

СДЕРЖИВАНИЕ КОРРУПЦИИ

Рассмотрим механизм сдерживания коррупции, предположив, что существуют ее три основных формы (forms). Прежде всего мы должны определить способы ее регулирования. Как говорилось выше, «первый механизм» важнее «второго механизма», так как «первый механизм», который легко распространить не все случаи коррупции, рассматривается как более «объективный». Поскольку право и рынок относятся к «первому механизму», то они часто оказываются в центре внимания при попытках обуздать коррупцию. Однако «второй механизм», который оценивается как субъективный (например, нормы), не используется в качестве средства контроля коррупции.

Когда мы обсуждаем связь между коррупцией и властью, основываясь на предположении о существовании субъекта с «Принципами» поведения (Maхime), важно, как мы ограничиваем действия субъекта. Мы рассмотрим теперь «второй механизм».

Четыре полюса регулирования поведения людей

Для создания механизма сдерживания коррупции обозначим четыре полюса регулирования поведения людей: право, рынок, нормы и архитектура. Такого подхода придерживается исследователь проблем конституции Лессиг (Lessig, 2001, 2006). Исторически значение этих четырех полюсов возрастает в следующей последовательности: нормы > законы > рынок > архитектура. Утверждение законов (право) требует наличия государства; до появления государства существуют меньшие общности, имеющие нормы. Общности объединяются в ходе торговли (обмена) и войн, а над кодексом (нормами) каждой малой общности устанавливается закон (право). После учреждения закона кодексы малых общностей не утрачиваются. Между законом (правом) и кодексами устанавливаются такие соотношения, когда меньшие части «подгоняются» к большему целому. Торговля между общностями формируют рынок, на котором обмениваются товары, причем каждая общность назначает свою, отличную от других, систему ценности. Обмен товаров осуществляется на основе предположения, что продавцы и покупатели руководствуются свободой выбора. Сделка совершается по взаимным соглашениям, потому что каждый продавец и покупатель имеет собственную систему ценности и им несложно убедиться в справедливости соглашения. Товарообмен становится активным после того, как товары начинают обмениваться на деньги. Развитие обмена товаров на деньги ускоряет широкое распространение денег и позволяет расширить рынок. Со временем наступает эпоха, когда создаются законы, предназначенные для развития рынка, что является сигналом о возникновении государства. В этом состоит процесс перехода от абсолютизма к модернизации. Обращая человеческие ресурсы и информацию в товары, рыночные отношения (marketization) начинают доминировать в мире. Чтобы стимулировать этот процесс, с помощью национальных

собраний учреждались правовые государства. Законы, имевшие главной задачей назначение наказаний, включая смертную казнь, со временем были преобразованы в право, нацеленное на продление человеческой жизни и развитие рынка.

Архитектура меняется в ответ на изменения норм, законов и рынка. В частности, архитектура способна содействовать развитию рыночной экономики. Эра открытий была поддержана различными технологиями и ноу-хау, искусством навигации или производством, основанным на индустриализации с разделением труда. Эпохе открытий служили изобретения, подобные часам, с помощью которых измеряли рабочее время, а также локомотивы и паровые суда. Эти изобретения составляют архитектуру (структуру). Архитектура делает возможным обмен информацией через сети с использованием компьютеров. Архитектура быстро развивается в результате конкуренции, которую стимулируют рыночные принципы. Она накапливает системы структур, которые человеческие существа развили в прошлом. Сегодня архитектура выросла до размеров Левиафана, она начинает выходить за рамки контроля с использованием норм, права и рынка. В данной статье архитектура означает физическую структуру, накопленную с прежних времен; тем не менее она не обязательно является осязаемой. Интернет также можно считать частью архитектуры. Он физически создан из ткани человеческих знаний и технологий⁸. Теперь рассмотрим, как можно регулировать коррупцию с точки зрения указанных четырех полюсов.

⁸ Интернет стал для Лессига своего рода «пусковым механизмом», подтолкнувшим ученого к осознанию важности архитектуры. Интернет – материя, построенная на сети, связывающей компьютеры. Интернет приспособливает операционную систему, поддерживая сеть саму по себе в открытом состоянии, и устанавливает запрос на конце сети.

Правила регулирования основной формы I коррупции на уровне индивидуумов

Предрасположенный к коррупции (потенциально продажный) актер занимает некоторое положение в общественном пространстве, в котором он может стать коррумпированным; поэтому первый механизм образует связь с основной формой I. В модели «учитель *A* – студент *B*» регулирование с помощью закона может возложить на *A* обязанность – беспристрастно оценивать знания студентов. Что касается рынка, то повышение заработной платы *A* может снизить возможность получения *A* взятки в обмен на улучшение результатов экзаменов *B*. Метод перевоспитания *A* и укрепления его моральной стойкости может содействовать предотвращению коррупции. Что касается правил, связанных с архитектурой, то мы можем указать на механизм, в соответствии с которым *A* может использовать систему двойного учета и выставлять оценки, не зная фамилий студентов.

Мучения совести предрасположенного к коррупции актора могут удерживать его от совершения коррупционного действия. Следовательно, необходимо обращаться к нормам, на которые не делают акцента ныне существующие меры борьбы против коррупции. Если в небольшом сообществе становится обычным делом, когда учитель получает деньги, чтобы исказить школьные оценки, а работник дорожной полиции находит предлоги для споров с нарушителями и вымогает деньги путем угроз, это выглядит де-юре как меры, направленные на борьбу против коррупции. Однако большинство членов этого сообщества, видимо, знают о том, что с точки зрения внешних по отношению к этому сообществу правил действия упомянутого учителя и полицейского есть зло. Проблема состоит в помощи тем, кто испытывает страдания из-за внутреннего конфликта. Они уверены в том, что если привлекут внимание к фактам внутренней коррупции и откажутся лично участвовать в коррупционных действиях, то подвергнутся физическому насилию. Как следствие – им

также приходится коррумпироваться. Это ситуация основной формы II, при которой имеет место давление со стороны актора во властной позиции⁹.

Правила регулирования основной формы II коррупции на уровне индивидуумов

При основной форме II коррупции существуют два варианта поведения, направленного на противодействие коррупции. Первый вариант заключается в том, что актор во властной позиции должен употребить власть в отношении подчиненного актора, чтобы он не коррумпировался. Второй вариант сводится к тому, что должно быть ослаблено властное воздействие на предрасположенного к коррупции актора, побуждающее совершать коррупционные шаги. Не стоит забывать, что актор во властной позиции может приказывать подчиненным не совершать коррупционных действий. И наоборот, существует возможность того, что актор во властной позиции навяжет подчиненным диктаторские порядки и потребует пренебрегать законами. Поэтому меры против коррупции должны осуществляться на двух уровнях. Во-первых, актор во властной позиции может ввести правила на более низком уровне, направленные против коррупции. Далее – сама его власть должна быть ослаблена. Например, в Грузии президент Саакашвили добился снижения уровня коррупции путем упразднения управления дорожной полиции – он уволил всех полицейских из этого управления, а затем набрал новый штат. Однако остаются сомнения относительно предотвращения коррупции на высшем уровне, включая самого Саакашвили. Действия власти часто передаются силами посредников, следовательно, в процессе передачи проявления власти могут быть искажены, что дополнительно ведет к

⁹ С позиции субъекта эта ситуация означает, что он столкнулся с *акрасией* (*akrasia* – состояние слабоволия). Этой концепции уделено особое внимание в «Никомаховой этике» Аристотеля.

росту коррупции именно из-за присутствия посредников. Мы не настаиваем на том, что проявление власти актором во властной позиции является лучшим методом удержания от коррупции, все-таки подобное использование власти необходимо для исправления ситуации с коррупцией на низовом уровне.

Следующий метод – сужение возможностей у актора во властной позиции вынуждать других акторов совершать коррупционные действия. Важно изучать общественные отношения между актором во властной позиции и потенциально продажным актором, а также имеющие место проявления между ними власти и их ожидания.

Во-первых, отметим наличие общественных отношений между актором во властной позиции и актором, предрасположенным к коррупции. Каким образом формируются общественные отношения, при которых актор во властной позиции приказывает подчиненному совершать коррупционные действия? Этот вопрос связан с созданием механизма, который будет гарантировать легитимность властного игрока, или он может иметь отношение к проблеме субъектности и свободы.

С точки зрения права считается, что президент государства, избранный на основе демократической процедуры, имеет полномочия отстаивать свою власть в правовой сфере. Так, Адольф Гитлер стал премьер-министром Германии (рейхсканцлером) в результате демократического процесса, но полную власть он получил в результате государственного переворота. Утвердив свое руководство над Коммунистической партией Советского Союза, Иосиф Сталин обрел «механизмы насилия», что дало ему возможность применять власть.

Чтобы регулировать с помощью закона проявления власти со стороны актора во властной позиции, необходимо преодолеть несовершенство демократии. В дополнение к этому важны также другие типы юридических мер, а именно: распределение властных функций между вооруженными силами, полицией, прокурорами и офицерами разведки, усиле-

ние надзора путем раскрытия и разъяснения законных полномочий актора во властной позиции, гарантирование возможности критики обладающего властью актора на основе свободы прессы. Детали реализации этих правовых мер препятствуют проявлениям насилия со стороны властных акторов. Следовательно, даже президент или премьер-министр на основе закона может подвергнуться импичменту (отлучению от власти) и аресту.

Стоит напомнить, что Россия относится к числу наиболее коррумпированных государств. Согласно данным Общественного антикоррупционного комитета, по итогам ежегодного исследования, проводимого организацией Transparency International, Россия в рейтинге восприятия коррупции в 2010 г. заняла 154-е место из 178 стран. «Соседями» России по рейтингу являются Камбоджа, Центральнаяафриканская Республика, Гвинея-Бисау, Кения, Папуа–Новая Гвинея и Таджикистан. По мнению российского социолога Я. Гилинского, «именно коррупция является сегодня проблемой номер один, главной угрозой обществу». В условиях тотальной коррумпированности всех ветвей власти на всех уровнях принципиально невозможно решить ни одной иной социальной, экономической, политической проблемы. Все упирается в вопрос: кому и сколько надо заплатить?» (Гилинский, 2002). Эксперты обращают внимание на то, что «современные российские бюрократы, по сути, стали “кастой неприкасаемых”, и в случае необходимости государственный аппарат активно защищает их от внешнего воздействия (граждан, бизнеса, общества)» (Клейнер, 2011). Иными словами, речь идет о покрывании коррупции властными акторами.

Необходимо исследовать как международную, так и национальные правовые системы. В качестве внешних систем права уже созданы Международный уголовный суд (International Criminal Court), Постоянная палата Третейского суда (Permanent Court of Arbitration) и Международный трибунал по морскому праву (International Tribunal for the Law of the Sea). Европейский суд по правам

человека (European Court of Human Rights) играют важную роль в обеспечении прав человека для жителей Европы и бывшего Советского Союза, включая Россию. В порядке расширения этой концепции мы предлагаем учредить Международный антикоррупционный суд (International Anti-Corruption Court), в котором государства-члены могли бы сотрудничать в уголовном расследовании, выдвижении обвинений и проведении судебных процессов¹⁰.

До модернизации общества в Европе предполагали, что при абсолютизме король обладает абсолютной властью. Эта концепция следовала из отрицания идеи правления Бога. После крушения абсолютизма власть перешла к гражданам. Более важную роль стала играть представительная система, при которой выбранные люди становились представителями народа. Это изменение привело к возникновению новой проблемы, а именно проблемы баланса между свободой нации и свободой ее представителя. Более того, следует также добавить проблемы регулирования в отдельных национальных государствах, которые находятся под наблюдением таких организаций государств, как ООН, Евросоюз и ОЕСД. В порядке расширения этой аргументации можно заметить, что правила организаций государств тоже должны создавать механизмы сдерживания коррупции.

¹⁰ В некоторых регионах уже проводятся международные кампании против коррупции. Например, в марте 1996 г. в рамках Организации американских государств была заключена первая Международная конвенция против коррупции (вступила в силу в марте 1997 г.). Этот документ получил название Inter-American Convention against Corruption. Государства – члены ОЭСР в ноябре 1997 г. заключили Конвенцию ОЭСР о борьбе со взяточничеством зарубежных государственных чиновников при совершении международных коммерческих сделок. Она была утверждена и вступила в силу с 1 декабря 2009 г. ООН 31 октября 2003 г. также приняла Конвенцию против коррупции (Convention against Corruption), которая вступила в силу 14 декабря 2005 г.

Что касается регулирования рынка, мы можем предположить, что предприятие, обладающее монопольной позицией на рынке, может приказывать торговым партнерам предоставлять «откаты» и имеет возможность произвольно выбирать деловых партнеров. Для предотвращения такого рода коррупции полезно юридическое регулирование монополий и олигополий. Средством обеспечения прозрачности и обуздания коррупции может стать и введение контроля над финансовыми средствами и имуществом (собственностью). Ограничению коррупции служит также укрепление системы управления предприятиями. При проведении таких сделок между государством и предприятиями, как сбор налогов и предоставление субсидий, наблюдается много случаев, когда государство оказывает давление на предприятия. Следовательно, можно удерживать государство от произвольных действий в отношении предприятий с помощью законов об административных процедурах, о государственном порядке, налогах и раскрытии информации.

Как складываются общественные отношения, при которых актер во властной позиции может использовать власть в отношении предрасположенного к коррупции актора, в плане регулирования норм? Традиционные ценности влияют не только на действия актора во властной позиции, но и на действия актора, предрасположенного к коррупции. Например, в соответствии с конфуцианскими ценностями принято уважать старших и в то же время испытывать отвращение к «грязным» деньгам. При таких нормах, если некий актер получает власть, он может без усилий со своей стороны пользоваться уважением и послушанием со стороны подчиненных. Предрасположенный к коррупции актер может стать коррумпированным без угрызений совести, потому что проявлять уступчивость в отношении старшего – долг подчиненного. Вероятно, такое предубеждение трудно изменить. Предполагается, что образование способно постепенно внести изменения в традиционные ценности.

Что касается использования архитектуры, то типичным примером, когда актер во

властной позиции может использовать власть в отношении другого актора, является «паноптикон» (panopticon) – круглое тюремное помещение, в котором за заключенными можно непрерывно наблюдать с поста, расположенного в центре здания. Такая архитектура была изначально предназначена для наблюдения за преступниками, но неужели невозможно разработать архитектуру, которая позволяла бы регулировать использование власти актором во властной позиции? Необходимо создать систему слежения за действиями актора во властной позиции. Впрочем, в первую очередь следует осознать необходимость этой системы. Выдающаяся проницательность в отношении правил архитектуры нашла отражение в кинофильме «Диктатор», который некогда поставил Чарли Чаплин. В знаменитой сцене два диктатора соперничают, манипулируя своими стульями, причем каждый стремится занять положение выше своего партнера. Место положения индивидуума в пространстве действительно может влиять на проявление им власти. Иными словами, следует изменять обстоятельства, в которых актер во властной позиции может употребить власть, например, вводя правила относительно организации места, где властный актер произносит речи, – в плане структуры этого места и звуковых эффектов. Для сужения возможностей использовать власть актором во властной позиции можно осуществлять мониторинг его проявлений власти, применяя аудио- и видеозаписи его выступлений.

Во-вторых, следует контролировать использование власти и ожидания, существующие между актором во властной позиции и потенциально склонным к коррупции актором. В случае I актер во властной позиции приказывает предрасположенному к коррупции актору совершить действие, причем последний, испытывая противоречивые чувства, решает, стоит ли ему подчиниться приказу. В случае II актер совершает коррупционное действие на основе ожиданий, невзирая на отсутствие прямого приказа от актора во властной позиции. В обоих случаях необходимо исследо-

вать субъектность или свободу потенциально склонного к коррупции актора.

В случае I потенциально продажный игрок преднамеренно действует как субъект. Для регулирования коррупционных действий predisposed к коррупции актора следует подвергать наказаниям. Это означает, что должна быть прописана (зафиксирована) ответственность потенциально склонного к коррупции актора. Результаты действий должны стать основаниями для наступления ответственности. Ключевым моментом утверждения юридической системы, при которой ответственность может быть предъявлена без дополнительного нажима, является совершенствование закона об административных процедурах.

Что касается регулирования рынка, то потенциально склонного к коррупции актора можно удержать от совершения коррупционных действий путем улучшения его экономических условий – повышая его заработную плату или пенсию.

Рассмотрим случай I с точки зрения норм: оба – и актор во властной позиции, и актор, predisposed к коррупции, – связаны соглашением. Образование может усовершенствовать обычаи, но эти улучшения будут происходить постепенно.

В плане регулирования архитектуры для случая I нужна также система «полицейского свистка» (система рассмотрения заявлений граждан о фактах коррупции) в отношении государственных чиновников и работников частных предприятий. Для введения такой системы необходимо учредить независимые институты для получения и рассмотрения заявлений.

Далее обсудим случай II, когда актор совершает коррупционный шаг на основе ожиданий, невзирая на отсутствие какого бы то ни было приказа со стороны актора во властной позиции.

Учитывая то, как закон применяется в данном случае, мы отмечаем, что потенциально склонный к коррупции актор может быть незаконно вовлечен в коррумпируемую сре-

ду, и при этом он же может быть принудительно исключен из своего сообщества. В обществе, где существует реальная возможность того, что властный актор в соответствии с законом или вопреки закону позволяет себе удовольствие использовать насилие, актор может быть вынужден продаться, чтобы избежать такого насилия. В подобной атмосфере легко создаются коррупционные цепочки, связывающие начальника с подчиненным.

Для преодоления подобной ситуации важно поддерживать беспристрастность в уголовных процедурах. Уголовные процедуры – уголовное расследование, арест, задержание, выдвижение обвинения, вынесение судебного решения – имеют решающее значение для рассеивания описанной выше общественной атмосферы. За убийства в связи с политическими конфликтами должны применяться суровые наказания; необходимо проводить тщательные расследования, включая выяснение заказчика убийства. Кроме того, крайне важна защита СМИ. Преодолению описанной выше атмосферы помогла бы подготовка юридического механизма, позволяющего объявлять импичмент таким акторам во властной позиции, как президент или премьер-министр. Актор во властной позиции может потерпеть поражение в ходе демократических выборов, но, получив власть, он будет использовать все средства, включая вмешательство в избирательный процесс, чтобы ее удержать. Перед лицом такой несправедливости другие страны и международные организации должны документировать (фиксировать) нечестный характер выборов и осуждать действия этого актора.

Подведем краткие итоги. В плане законодательного регулирования, установления норм и архитектуры метод влияния на общественную атмосферу, описанный для случая II, аналогичен методу установления общественной атмосферы, описанному для случая I.

Для исследования того, как применяется власть, необходимо прояснить, как регулируется использование «ресурсов», Гидденс придавал этому особое значение. Деньги пред-

ставляют собой один из типичных ресурсов, и они, по своей сути, относятся к рыночным механизмам регулирования. Деньги используются в качестве взятки и служат средством связи между актором во властной позиции и подчиненным. Одновременно деньги могут накапливаться и использоваться для создания контролирующей структуры. Следовательно, необходимо принять законы, обеспечивающие прозрачность денежных потоков, а также повысить налогообложение такого вида собственности, как денежные фонды. Если говорить о природных ресурсах, то, с одной стороны, деньги – ввиду их нехватки – могут стать источником власти, а с другой – владелец природных ресурсов может создавать структуры контроля. В этом случае ограничение собственности на природные ресурсы является элементом правового регулирования. Право разрабатывать полезные ископаемые также должно быть четко определено законом. Что касается рыночного регулирования, то необходимо решить, будет ли государство устанавливать цены на природные ресурсы или их будет определять рынок. Что касается регулирования самих норм, то необходимо воспитывать в людях осознание значимости таких «ресурсов», как вода и воздух. Одно из возможных правил относительно архитектуры – предписание повторно использовать природные ресурсы, что могло бы смягчить их нехватку.

Как поступать с «исключением»?

Так как «исключение» может действовать и на власть, мы должны определить, как «исключение» связано с применением власти и коррупцией. Считается, что в настоящее время самую серьезную проблему составляет кодирование (encoding). Кодирование можно признать некоторым видом «территоризации» (territorialization), который предполагает обмен информацией с использованием одних и тех же кодов на определенной территории. Полное «исключение» возникает на границе меж-

ду внутренней и внешней областями. Можно постулировать, что «исключение» представляет собой отрицание существования других. Такое отрицание и полное исключение других имеет место, например, на границе между демократическим и недемократическим режимами. Нападение на Ирак со стороны США и Великобритании показывает, что если государство не проявляет глубокого уважения к демократии и либеральному капитализму, то оно подвергнется санкциям, как это имело место в отношении Ирака. Кодирование и «территоризация» быстро распространяются в области знания. Глобализация удешевляет и ускоряет передачу информации и тем самым популяризирует кодирование и «территоризацию», а это приводит к распространению приема «исключения». Так как распознать использование власти в форме «исключения» трудно, многие люди подверглись устрашению и подчиняются кодированию и «территоризации». Одновременно становятся менее распространенными властные отношения, связанные с притеснениями и санкциями, так как усилились типы культуры «другой направленности» («other directed»). В результате люди проще поддаются внушению в определенном направлении (Riesman, Denny, Glazer, 1950).

Осознавая такие тенденции, актор во властной позиции может запугивать подчиненных и актора, потенциально склонного к коррупции, «исключением», вынуждая их подчиниться приказу. После того как такое исключение имеет место, оставшиеся вынуждены держаться вместе, что способствует формированию атмосферы, в которой на коррупцию не обращают внимания. Так как «исключение» укрепляет сплоченность людей, оставшихся в сообществе, этот прием способствует форсированному применению власти в сообществе актором во властной позиции. Самая трудная ситуация возникает тогда, когда применение власти в форме «исключения» сочетается с созданием контролирующей структуры, основанной на насилии. Как можно преодолеть такой способ использования власти?

В плане правового регулирования такие приемы применения власти в форме «исключения», как арест, выдвижение обвинения и решение суда, должны быть прозрачными. Даже если такое исключение определено внутренним правом, международное право может его не признать. Следовательно, необходимо учредить международные институты, призванные контролировать аресты, обвинения и судебные решения. Европейский суд по правам человека уже играет важную роль в деле защиты прав человека «поверх границ». Следует распространять влияние таких институтов. Необходимо также создать международный режим нетерпимого отношения к коррупции.

Что касается рыночного регулирования, то необходимо создать международную структуру для поддержки людей, которые подверглись «исключению» путем лишения свободы и увольнения, и тем самым усилить структуру (сеть) безопасности (safety net). Должны быть также ликвидированы барьеры в экономических транзакциях, препятствующие входу, чтобы облегчить актору возможность попытаться снова войти на рынок.

При регулировании норм важно избежать манипулирования, «зомбирования», которое осуществляется обычно через средства массовой информации. Необходима система, гарантирующая учет мнения меньшинства, — своего рода система предоставления «преимущественных прав» («affirmative action»). Воспитание может помочь людям осознать важность многостороннего взаимодействия и взаимной помощи.

В плане регулирования архитектуры важно признать, что Интернет может стать средством «исключения» других. Хотя Интернет представляет собой огромное открытое пространство, в течение последних нескольких лет произошел переход от широко открытой сети (Web) к полужакрытым платформам, которые используют Интернет для перемещения, а не для демонстрации (Anderson, 2010). В Интернете существует паутина Web, которая использует протоколы IP и TCP для передачи

«пакетов» (packets). Содержание таких «пакетов», которое можно увидеть на браузерах, составляют менее одной четвертой трафика в Интернете. Крупные IT-компании формируют собственные цифровые территории, внутри которых они устанавливают свои правила, а также контролируют или ограничивают связи с другими частями Интернета. Владельцы Интернета хотели бы по-разному обходиться с разными типами трафиков, создавая в Интернете более скоростные и более медленные каналы передачи. С помощью архитектуры следует ограничить такие исключения. Поэтому, например, члены демократической партии США, являющиеся сторонниками нейтралитета в Сети, отстаивают необходимость регулирования, которое предотвращало бы фаворитизм операторов Сети в отношении их компаний.

Однако развернувшиеся в Интернете дебаты вызвали чрезвычайно острую реакцию. Люди, не имеющие опыта участия в демократических дискуссиях, склонны к безответственному поведению. Необходимо найти лучший способ преодоления этого недостатка.

Оставшиеся вопросы

Нам следует также рассмотреть степень свободы предрасположенного к коррупции актора, т.е. проблему субъектности. Хотя свобода, по Канту, предполагает существование субъекта с «Принципами» (Maxime), актор без такой «агрессивной свободы» вполне может совершать коррупционные действия. Иначе говоря, многие обладают «негативной свободой» и предпринимают коррупционные шаги в отсутствие четкой субъектности. Такая «негативная свобода» означает условие, когда вмешательство со стороны других отсутствует. Мы получаем «негативную свободу», когда нам предоставляется территория, на которой мы можем самостоятельно выбирать образ своих действий, причем никто не может вмешаться в этот процесс. Однако эта «негативная свобода» стоит нам независимости из-за

чрезмерно большого числа возможных вариантов выбора. Изначально может показаться, что мы свободны в выборе своих действий; несмотря на это, наше поведение направляется другими. Если мы руководим собой на основе поведения других и сталкиваемся с угрозой того, что нас будут игнорировать или исключат из нашей общности, мы не можем назвать свой выбор действительно свободным. Когда в общности существует атмосфера безответственности («нечего бояться, если мы все сразу будем переходить улицу»), актер совершает коррупционное действие не намеренно, а просто потому, что все другие делают то же самое. Этот вид коррупции проистекает из подхода по принципу «негативной свободы», когда действия субъекта «направляют другие». Здесь мы можем усмотреть упадок или разрушение субъектности.

Даже если мы полагаем, что восстановление субъектности имеет решающее значение, мы пока не можем разрешить эту проблему. Субъектность формируется отношениями между человеком и обществом, и индивидуальные усилия с целью восстановления субъектности будут здесь бесполезны. Изменения в обществе разрушили субъектность, поэтому нужна другая стратегия, соответствующая ситуации. Эта проблема будет рассмотрена в другой работе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В таблице показаны три подхода к анализу коррупции и формированию антикоррупционных мер. Согласно первому подходу так называемая политическая коррупция, основанная на коммунитаризме, и демократические государства рассматриваются как общности, а демократия – как «общее благо». При таком подходе существует тенденция возлагать на чиновников только четко определенные обязанности. Еще одна тенденция заключается в разрешении дилеммы: следует ли принимать

действия, направленные против демократии, как критерий наличия коррупции или нет. В результате делается акцент на следующие правила для государственных чиновников: повышение прозрачности доходов чиновников, ужесточение наказаний должностных лиц, четкое определение отношений между чиновниками, политиками и избирателями, повышение компетентности чиновников в ведении государственных дел. В законодательном процессе внимание концентрируется на отношениях между политиками и бизнесменами при посредничестве лоббистов. Хотя отмечается важность законодательной и исполнительной власти, а также юстиции и СМИ, для противодействия коррупции уделяется недостаточно внимания криминальному следствию, процедурам арестов, задержаний, выдвижения обвинений и вынесения судами решений. В демократическом обществе особое значение придается неограниченной свободе экономической деятельности, предполагается наличие капиталистической экономики. И как следствие – в качестве средства предотвращения коррупции рассматриваются конкурирующие тендеры.

Однако согласно второму подходу, т.е. при экономической коррупции, предполагающей соединение утилитаризма с коммунитаризмом, так же, как и при политической коррупции, подразумевается общество, в котором распространены капиталистическая свобода и демократия. Согласно утверждению, что «счастье как выгода» можно измерить, в качестве ключевого момента рассматривается равновесие между выгодой личной и общественной. Для сдерживания коррупции в качестве важных средств антикоррупционной политики рассматриваются конкуренция и эффективность. Существует твердая уверенность в том, что результативные антикоррупционные меры могут быть применены в любой стране, поскольку можно провести международные сравнения уровня коррупции. Антикоррупционная политика, основанная на подходе «экономическая коррупция», имеет тенденцию принуждать любые государства проводить

Подходы к преодолению коррупции и антикоррупционные меры

Подход	Отношение к теории справедливости	Описание	Антикоррупционные меры
Политическая коррупция	Уделяется серьезное внимание коммуитаризму	Существует тенденция ограничивать объекты коррупции государственными чиновниками, включая политиков. Другая тенденция – решение дилеммы, следует ли принимать действия, направленные против демократии, в качестве критерия наличия коррупции или нет. Считается, что демократические государства стремятся стать воплощением ценностей для крупной общности. Рыночная свобода рассматривается как «общее благо»	Делается акцент на следующие правила для чиновников: повышение прозрачности доходов, ужесточение наказаний должностных лиц, четкое определение отношений между чиновниками, политиками и избирателями, повышение компетентности чиновников в ведении государственных дел
Экономическая коррупция	Соединение утилитаризма с коммуитаризмом	В качестве ключевого момента рассматривается равновесие между личной и общественной выгодой. Во многих случаях подразумевается общность, в которой уважают капитализм и демократию. Международные сравнения коррупции часто осуществляют исходя из предположения, что уровень коррупции можно измерить	Делается акцент на поощрение свободной конкуренции и повышение экономической эффективности. Особое внимание уделяется созданию и использованию институтов, способствующих распространению свободы и повышению эффективности
Коррупция в соответствии с новой теорией	Серьезное внимание уделяется либерализму	Важное значение придается субъектности властного актора и подчиненного, поскольку власть ограничивает свободу других субъектов. В центре внимания находятся также ожидания предрасположенного к коррупции актора	Для регулирования применения власти следует ослаблять власть правителей, держащих в подчинении силовые механизмы. Особенно строго следует осуществлять расследования преступлений, арестов, задержаний, выдвижения обвинений и вынесения судебных решений. Делается акцент на необходимость исключения угрозы со стороны силовых механизмов, чтобы ограничивать ожидания предрасположенных к коррупции акторов. Даже власть правителей может быть использована для временного обуздания коррупции

одинаковые меры – без учета особенностей истории и культуры каждой страны.

Ни подход «политическая коррупция», ни подход «экономическая коррупция» не учитывают власть, которая влияет на принятие индивидуальных решений предрасположенных к коррупции акторов. При этом игнорируются меры, которые принимает власть для предотвращения коррупции. С точки зрения нового подхода, основанного на либерализме, большое значение придается субъектности актора во властной позиции и подчиненного,

так как власть ограничивает свободу других субъектов. Антикоррупционная политика, соответствующая этому подходу, демонстрирует слабость силовых механизмов, призванных ограничивать влияние властных акторов.

Суть коррупции не в том, являются ли объекты коррупции должностными лицами или нет, а в структуре власти, при которой акторы во властной позиции могут принуждать подчиненных к коррупции. В этом случае мы можем предположить, что государство или компания представляют собой некоторую

общность. Для регулирования использования власти следует ослаблять влияние правителей, которые держат у себя в подчинении силовые механизмы. Особенно строго следует осуществлять расследования преступлений, процедуры арестов, задержаний, выдвижения обвинений и вынесения судебных решений. Следует делать акцент на необходимости исключить угрозы со стороны силовых механизмов, чтобы ограничивать ожидания потенциально склонного к коррупции актора.

Третий подход позволяет выработать новую антикоррупционную политику, поэтому мы можем рассчитывать на то, что эта новая политика приведет к ослаблению коррупции. Тем не менее и этой новой политики явно недостаточно, поскольку похоже, что мы не можем ее осуществлять без ослабления влияния властных акторов. Очень трудно ослабить силовые механизмы таким образом, чтобы этого не заметили акторы во властной позиции. И пока они не уйдут со своих постов, такую антикоррупционную политику проводить невозможно. Это сложная проблема. Но даже в этих условиях международный суд по делам о коррупции, например, мог бы играть значимую роль в ее сдерживании. Даже приближающаяся к закату система, в которой силовые механизмы временно усиливаются, но будут в перспективе ослаблены, может быть полезна для снижения с уровня коррупции как раз с помощью силовых механизмов.

Следует признать, что этого подхода недостаточно для прояснения проблем коррупции, так как либерализм *per se* («сам по себе») не является универсальным принципом. Но модернизация общества показывает, что правящие режимы придают большое значение свободе экономической деятельности. Этой новой теории коррупции следует уделить больше внимания, чем прежним теориям, как и следующим из нее антикоррупционным мерам. Так как модернизация имеет отношение к трансформации правителей (*conversion of rulers*), держащих в своем подчинении такие силовые механизмы, как вооруженные силы и полиция, важны также изучение и анализ

этих силовых механизмов. Следовательно, мы можем утверждать, что необходимо сдерживать применение власти в сфере расследований преступлений, арестов, задержаний, выдвижения обвинений и вынесения судебных решений. В этом смысле «коррупция и модернизация» представляют собой новую теорию, способную сыграть в этом важную роль. Предмет последующих научных исследований – поиски более универсальных принципов, касающихся справедливости, и разработка еще одной новой теории коррупции. Тогда мы сможем предложить другие антикоррупционные меры, которые можно было бы реализовать более эффективно.

Литература

- Гилинский Я. Коррупция: теория, российская реальность, социальный контроль, 2002 (<http://narcom.ru/publ/info/560>).
- Григорьев Л., Овчинников М. Коррупция как препятствие модернизации // Вопросы экономики. 2008. № 2. С. 44–60.
- Клейнер В. Антикоррупционная стратегия бизнеса в России // Вопросы экономики. 2011. № 4.
- Левин М.И., Цирик М. Моделирование коррупции // Экономика и мат. методы. 1998. № 34 (3). С. 40–58.
- Олейник А. Коррупция власти и власть коррупции // Независимая газета. 2008. 29 мая.
- Шуобара Т. Вопросы модернизации в современной России // Япония наших дней. 2010. № 3 (1). С. 116–151.
- Anderson C. Who's to blame: Us. The Web is dead // Wired. 2010. № 164. Sept. P. 123–127.
- Aristotle. Nicomachean Ethics. Translated by Ross W.D. (350 B.C.).
- Basu K. Why, for a Class of Bribes, the Act of Giving a Bribe should be Treated as Legal. Working Paper of the Economic Division in the Department of Economic Affairs. Ministry of Finance, 2011a (http://www.finmin.nic.in/WorkingPaper?Act_Giving_Bribe_Legal.pdf).

- Basu K.* Beyond the Invisible Hand: Groundwork for a New Economics. Princeton: Princeton University Press, 2011b.
- Basu K., Bhattacharya S., Mishra A.* Note on Bribery and the Control of Corruption // *Journal of Public Corruption*/ 1992. Vol. 48. P. 349–359.
- Basu S., Li D.D.* Corruption in Transition. Working Papers Series 161. William Davidson Institute, 1998.
- Berlin I.* Four Essays on Liberty. First Paperback Edition. Oxford University Press, 1990.
- Foucault M.* The Subject and Power // *Beyond Structuralism and Hermeneutics* / Dreyfus H.L., Rabinow P., 1982. P. 208–226.
- Giddens A.* Central Problems in Social Theory. Berkley and Los Angeles: University of California Press, 1979.
- Gray C., Hellman J., Ryterman R.* Corruption in Enterprise-State Interactions in Europe and Central Asia 1999–2002. Anticorruption in Transition 2. World Bank, 2004.
- Harris R.* Political Corruption: In and Beyond the Nation States. Routledge, 2003.
- Heidenheimer A.J.* Political Corruption: Reading in Comparative Analysis. Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1970.
- Hobbes T.* Leviathan (Hobbes's Leviathan). Reprinted from the edition of 1651. Clarendon Press, 1909.
- Huntington S.P.* Modernization and Corruption. Political Order in Changing Societies. Yale University Press, 1968. P. 59–71. Reprinted in: *Heidenheimer A.* Political Corruption. Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1970. P. 492–500.
- Klitgaard R.* Gifts and Bribes. Strategy and Choice / Ed. by R. Zechhauser. Boston : MIT University Press, 1991.
- Lessig L.* The Future of Ideas. Random House, 1999.
- Lessig L.* Code and Other Laws of Cyberspace. Basic Books, 2001.
- Lessig L.* Code version 2.0. Basic books, 2006.
- Milgrom P., Roberts J.* Economics, Organization and Management. Prentice-Hall International, Inc., 1992.
- Nye J.S.* Corruption and Political Development: A Cost-Benefit Analysis // *American Political Science Review*. 1967. № 111 (2). P. 417–427. Reprinted in: *Heidenheimer A.* Political Corruption. Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1970. P. 564–578.
- Ousawa M.* Seizi' wo kanngaeru (Thinking about Justice). NHK Press, 2011.
- Parsons T.* Social Systems and the Evolution of Action Theory. Free Press, 1977.
- Rawls J.* A Theory of Justice. Boston: Harvard University Press, 1971, revised ed., 1999.
- Riesman D., Denney R., Glazer N.* The Lonely Crowd: a Study of the Changing American Character. New Haven: Yale University Press, 1950.
- Sandel M.J.* Justice: A Reader. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Sandel M.J.* Justice: What's the Right Thing to Do? Farrar Straus and Giroux, 2009.
- Seyama K.* Kenryoku (Power). Tokyo: Tokyo University Press, 2000.
- Shiobara T.* Corruption in the USSR and Russia // *Bulletin of the Japan Association for Comparative Economic Studies*. 2002. № 39. P. 82–94.
- Shleifer A., Vishny R.W.* The Grabbing Hand. Boston: Harvard University Press, 1998.
- Weber M.* Soziologische Grundbegriffe. Wirtschaft und Gesellschaft. J.C.B. Mohr, 1922.
- Žižek S.* Berlusconi in Tehran // *London Review of Books*. 2009. № 31 (14). P. 3–7.

Рукопись поступила в редакцию 10.07.2001 г.